

Наталья ЧЕРКАС
г. Москва

ЖЗЛ: ГИППОКРАТ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГИППОКРАТА

История началась в те времена, когда людей на Земле было ровно столько, чтоб все они могли разместиться у подножья горы Олимп. Боги с Олимпа присматривали за ними, а люди за это их почитали: разные продукты питания им в жертву приносили. Так все они и жили-не тужили, пока не появился Прометей, титан по происхождению, но гуманист и филантроп в душе.

Сам он вырос на Олимпе в детском доме. После победы над титанами Зевс стал сбрасы-

В давние-давние времена, когда Греция ещё была Древней, а Рим – Республикой, жил да был Гиппократ – основатель медицины. Хотя люди в основном и происходили от обезьян, Гиппократ в числе немногих миновал этой участи и произошёл от Асклепия, бога врачевания с горы Олимп. Вот как это случилось.

вать побеждённых в Тартар, но Тартар очень быстро заполнился до краёв. И дети титанов не поместились. Тогда олимпийские боги решили устроить для них детский дом, в котором тщательно их воспитывали, чтоб те не выросли титанами, а выросли богами. Сначала всё шло хорошо, но потом плохая наследственность всё равно дала о себе знать: воспитанники вскоре стали неуправляемыми и непредсказуемыми даже для самих олимпийских богов. Лишь от одного Атланта была польза: им подпёрли небесный купол, чтоб ненароком не рухнул. Остальные только хлопоты доставляли.

Вот и Прометей полюбил за что-то людей. Люди привыкли к нему и перестали бояться. Прометей всё наблюдал и наблюдал за ними. А в один прекрасный день сказал так:

— Огня вам не хватает. Украду-ка я для вас на Олимпе огонь — и вам польза, и мне титанический труд.

А люди ещё не умели ни из чего извлекать пользу, поэтому как замашут на него руками:

— Не нужен нам никакой огонь, нам и так хорошо!

— Огонь им не нужен! А вы знаете, что человечество по спирали должно развиваться? Вам сейчас надо на новый виток подниматься, а вы по кругу топчетесь, — стал кричать на них Прометей. Потом взял котомку и пошёл взбираться на Олимп. Люди вздохнули и разбрелись.

Прометей знал Олимп и уклад жизни на нём как свои пять пальцев. Он выбрал лучшее время для кражи огня — Зевс Громовержец где-то странствовал, а остальные боги опасности не представляли. Он сразу направился к кузнице хромого дядьки Гефеста, который был покровителем огня, кузнечного искусства и по совместительству кой-каких ремёсел. В этой кузнице и хранился огонь. Прометей надвинул венок до самых бровей, засел в ближайших кустах и стал ждать, пока бог огня оставит хранилище без присмотра. Ещё поднимаясь на гору, он заметил, будто кто-то его сопровождает. А сейчас разглядел, что неподалёку от него в своих крылатых сандалиях шнырял туда-сюда Гермес, покровитель торговли, а заодно — плутов и воров. Прометей сначала хотел прогнать его, а потом подумал, что тот на службе и это

покровительство ему сейчас не помешает. Только под вечер Гефест покинул кузницу. В домах олимпийских богов уже зажигались окна. Кузнец поковылял к дому Афродиты, которая приходилась ему женой. Прометей подождал, пока в доме Афродиты хлопнет дверь, забежал в кузницу, прибрал к рукам огонь — весь до единой искорки, и выбежал на улицу. Ужас охватил его — Олимп погрузился в кромешную тьму. Этого Прометей не ожидал. Он надеялся, что огонь на горе погаснет не сразу и он успеет убежать. Растерянный гуманист и филантроп стоял у кузницы и думал о том, что люди остались без нового витка спирали. В темноте уже захлопали двери и калитки, раздались голоса олимпийских богов. И тут Прометей почувствовал, как кто-то схватил его за шиворот и поднял в воздух. «Тебе куда?» — раздался вопрос у самого уха. «Вниз», — ответил он. Это Гермес добросовестно осуществлял своё покровительство. Кроме крылатых сандалий, у него был ещё крылатый шлем-невидимка для сложных случаев. С помощью этих двух нехитрых приспособлений они моментально оказались у подножья Олимпа. «Ну всё, прощай! Я — обратно, а то хватятся», — сказал Гермес и опять растаял в воздухе. А Прометей нашёл укромное место, спрятал огонь и решил поспать до утра — людей в этот час всё равно ему и с огнём не найти.

Утром он передал людям огонь в безвозмездное пользование. Перво-наперво они нажарили себе мяса и наелись, а потом стали петь, танцевать и извлекать музыкальные звуки из всего, что попадалось под руку. Так возникло искусство. Когда люди устали веселиться, то занялись полезным: кто горшки обжигал, а кто орудия труда ковал. Так возникли разные ремесла. Новый виток спирали был налицо. Люди радовались ему и развивались дальше не по дням, а по часам.

Прометей тоже радовался и старался ещё как-нибудь ускорить прогресс. Например, придумал и изготовил спички, чтоб люди не сторожили огонь у костров, а всегда имели его при себе. За всё это они почитали Прометея и величали его по отчеству — Иапетович. Про богов с Олимпа и думать забыли. Жертв им не приносили и лиц своих к вершине не подни-

мали. А Прометей поднимал. Каждый день он ждал наказания и знал, что оно будет, как только Зевс вернётся на Олимп.

И вот одним тёмным-тёмным вечером Громовержец вернулся. Удивился крошечной тьме на горе и подумал: «Как вымерли все... Так не должны были — они ж бессмертные!» Жене Гере, открывавшей ему дверь, повелел:

— Зажги огонь! Что вы все в потёмках сидите?!

— Так нет у нас огня — украли его, пока ты по Европам шлялся, — сердито ответила та.

Зевс нашёл в темноте свой трон и сел. Гера тоже присела и рассказала мужу про кражу огня. Она знала, что украд Прометей, так как Гермес сознался в своём покровительстве.

— Послал же бог родственничка! Я завтра покажу этому гуманисту и филантропу — Тартар по нему плачет! — сказал на всё это Зевс и хотел метнуть для убедительности пару молний, да куда там — без огня какие молнии. Разок громыхнул и всё.

Из темноты комнаты приковылял Орёл, служивший у Зевса атрибутом.

— Кыш, дармоед! — прикрикнула на него Гера.

Орёл придвинулся вплотную к Зевсу. Громовержец погладил птицу:

— Исхудала бедная птичка — на чем только перья держатся! Ты что — не кормила его? Это ж братья наши меньшие!

— Братья... Не многовато ли у нас родни?! И чем мне его кормить? Ему мясо подавай, а мяса нет: люди жертвы перестали приносить, себе их жарят на нашем огне. Корми его, убирай за ним! Я всё ж богиня, а не птичница! В следующий раз забирай его с собой в свою командировку, — выговаривалась Гера.

— Ну, ты же знаешь, мне там не до птиц, — устало отвечал ей Зевс.

— Знаю, знаю, что тебе там и до птиц, и до коров, — не унималась жена.

— Гера, ну не начинай, давай лучше ужинать.

Гера метнулась в другую часть комнаты и принесла амфору с божественным нектаром.

— Опять эта амброзия, а я хотел супчика похлебать! — отодвинул античный сосуд Зевс.

— Вот завтра вернёшь огонь, будет тебе супчик, — сказала как отрезала Гера.

Чуть свет Зевс собрал всех жителей Олимпа. Он обещал сегодня же вернуть огонь. Гермес сле-

тал к подножью горы и возвратился с Прометеем, держа его за шиворот.

— Ну что — наигрался с огнём? Вернёшь сам или как? — грозно спросил Зевс.

— Нет, не наигрался и не верну, — твёрдо ответил Прометей.

— А это мы посмотрим! Приковать его к скале, чтоб подумал, — обратился Громовержец к Гермесу и Гефесту, которые чувствовали себя виноватыми и с готовностью ждали указаний Зевса. А Прометею сказал на прощание:

— Побудешь теперь прикованным. Вернешь огонь — получишь свободу.

— И от меня за то, что ты очаги наши без огня оставил, будет тебе наказание, — добавила Гера.

Пока Гефест прилаживал к скале цепи, Прометей спросил Гермеса: «Это ты меня сдал?» «Я, — ответил тот, — ты воровал огонь не для своей выгоды, а для людей. А я не покровительствую воровству во благо. Я это воспринимаю как насмешку над собой. Но все ещё раньше догадались, кто это сделал. Не надо было окурки в кустах перед кузницей оставлять! Всем известно, что на Олимпе один ты куришь сигареты «Друг», — ответил Гермес. В это время Гефест уже приготовил цепи и крикнул Гермесу: «Давай сюда этого вредителя, приковывать буду». Тот опять схватил Прометея за шиворот и доставил кузнецу. Приковали Прометея быстро. Вскоре и орёл прилетел. «А вот и атрибут прибыл. Приятного аппетита тебе, птичка», — сказал Гефест, и они с Гермесом отправились на Олимп. Орёл принялся старательно выклёвывать печень Прометея. А когда выклевал, то сказал: «Ну, до следующей печени». И улетел прочь. А печень стала восстанавливаться не по дням, а по часам.

Понял тогда Прометей, в чем заключалось наказание Геры. Но он всё равно не собирался возвращать огонь. «Титан я или тряпка?!» — восклицал он каждый раз, когда улетал орёл и предательские мысли начинали проситься в голову. По его подсчетам, люди уже должны хватиться и броситься на его поиски. Только напрасно ждал Прометей — люди о нём быстро забыли.

Напрасно ждали и олимпийские боги, что Прометей запросит пощады. Проходили дни, а он молчал. Тогда Зевс понял: из Прометея

вырос настоящий титан и огонь он не вернёт. Зевс решил сам спуститься к подножью, хотя никто ещё из олимпийских богов не снисходил до людей. Метнулся он вниз, принял облик человека и стал расхаживать среди людей туда-сюда. Когда увидел, что до него нет никому никакого дела, подошёл к прохожему и спросил: «Огоньку не найдётся?» «Найдётся, найдётся», — сказал прохожий и стал хлопать себя по карманам в поисках спичек. Но спичек не оказалось. «Дома забыл», — пояснил прохожий. Видимо, лицо Зевса сделалось таким расстроенным, что он сразу же стал успокаивать незнакомца: «Да ты не переживай, мил человек, пойдем, вон магазин, я куплю спички и подарю тебе, и будет у тебя огонёк!» Так и сделали. Как только спички оказались в руках Громовержца, он нырнул в ближайшие заросли и там растворился, будто его и не было вовсе. Удивился прохожий. Да тут же и забыл об этом.

Зевс с видом победителя раздал огонь на Олимпе. Пошёл тут дым коромыслом. До глубокой ночи боги пировали и радовались возвращению огня. А на ночь отдали его в кузницу Гефеста и спокойно легли спать. Утром стало ясно, что огонь на Олимпе будет, пока не закончатся спички, потому что в хранилище он погас.

Так и повелось с того дня: стали боги по очереди спускаться к людям за спичками. Это приравнивалось к подвигам и считалось мужским делом. «Надо разобраться, чем ещё эти герои у подножья занимаются», — говорили друг дружке олимпийские богини после возвращения мужей со спичками в карманах, но без всякого огня в телах. И правда, олимпийские боги тратили у подножья довольно много времени и сил. От этого рождались дети с божьей искрой. А эта божья искра стала передаваться из поколения в поколение. Кроме божьей искры, от отца к сыну передавались и специальные знания. Целые династии появились: от Гефеста — кузнецы, от Гермеса — торговцы, а от Асклепия пошёл род врачей — асклепиадов. И были они в своём деле — боги, а в остальное время — обычные люди. С тех пор все и смешались на Земле — боги, герои и люди.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГИППОКРАТА

Гиппократ — асклепиад в десятом поколении. От предков медицина досталась ему в виде храмов с функциями лечебных учреждений, которые все называли асклепионами. Туда приходили больные. Их встречали в белых одеждах жрецы и оставляли в приемном помещении, чтоб они молились. А сами пока на глиняных табличках выцарапывали имя пациента и описание симптомов болезни. На это у них уходил целый день. Вечером больных укладывали спать на полу в другой части здания. Сон был диагностическим средством. Но больным обычно не спалось, поэтому при асклепионах были небольшие актёрские труппы, которые своими представлениями должны были усыплять их. С утра жрецы приходили и узнавали у тех, кто проснулся, что им привиделось во сне. На основании этих рассказов ставили диагноз, назначали лечение и делали прогнозы на исход болезни. И уходили, чтоб нацарапать всё это на табличках, а потом обжечь их для сохранности знаний. Таблички развешивали на стенах храма, а больных отправляли домой: они были больше не нужны ни живые, ни мертвые. «Вас даже вскрывать нельзя», — с сожалением сообщали им жрецы на прощание.

Вот такое здравоохранение досталось Гиппократу. «Так дело не пойдёт!» — произнёс Гиппократ свою крылатую фразу. И принялся всё менять. Перво-наперво он открыл несколько школ врачевания. В эти школы стал принимать в ученики всех желающих, а не только своих родственников. Жрецы-асклепиады назывались теперь просто врачами.

Гиппократ сам отбирал учеников в свои школы. Прежде чем передавать знания, он устраивал для них испытание на усердие. Отправлялся с ними на берег моря и давал задание выцарапывать на морских камешках буквы древнегреческого алфавита. При этом требовал красоты и аккуратности, а также количества. Ведь глиняные таблички никто не отменял, а наоборот: Гиппократ считал, что врач должен любить и уметь записывать, потому что ни одно слово не должно пропасть — оно хранит бесценные знания. Но не все это испытание проходили. Некоторые немного поцарапают, а потом загорают себе под античным солнцем. Приходит Гиппократ прове-

рять — у одного гора камней с буквами, а у другого — горстка. «Эге! Да из тебя не получится порядочного врача!» — воскликнет он и отправит лентяя восвояси. Частенько Гиппократу приходилось так восклицать, поэтому море, у которого это испытание происходило, потом назвали Эгейским. Все камешки с буквами после испытания сбрасывались в море, чтоб завтра ими не воспользовались новые испытуемые.

Через многие годы ученые с аквалангами наткнулись в Эгейском море на эти камешки. Подняли их все до одного со дна морского и стали думать, какой научный вывод из них следует. А надо сказать, что набралась их целая гора. Начали из них слова складывать, а из слов — предложения. Складывали, складывали да и сложили клятву Гиппократа. Обрадовались, конечно — будет теперь чем приструнить этих гиппократов в переносном значении этого слова. А то ведь совсем распоясались. Ученые с аквалангами частенько к ним обращались за помощью — ведь работка не мёд: а ну-ка, поныряй день-деньской. Только помощи от них никакой. А спросишь, мол, что ж вы так-то, а они: «Сами мучаемся. Дайте нам какие-нибудь профессиональные принципы, а с нас клятву возьмите, вот мы и исправимся». Да где её возьмёшь, эту клятву?! А теперь — вот она! Отдали её в мировое здравоохранение, а сами опять на берег Эгейского моря вернулись.

Там остались ещё камешки с буквами. Стали ученые с аквалангами дальше их складывать. И получилось у них четыре Принципа лечения Гиппократа:

1. *Приносить пользу, а не вредить.*
2. *Противоположное лечит
противоположным.*
3. *Помогать природе.*
4. *Щадить больного.*

Отнесли эти Принципы врачам. А те недовольные: «Мы от вашей клятвы отойти не можем, а вы опять притащили». Ученые закинули за спины акваланги и пошли к морю новые открытия делать. А врачи собрались и стали с их находкой разбираться. Первый Принцип их не огорчил: «А мы и приносим пользу — день и ночь режем да шьём, шьём да режем». Второй Принцип вообще обрадовал: «Так мы всегда и лечили противоположное противоположным. А чем ещё, если

больше нечем?» Против третьего Принципа сразу галочку поставили, так как природе они помогают все как один: каждый год на субботнике сажают деревья и различные кустарники. А одна женщина, врач-окулист со стажем, рассказала, что она всегда на своём балконе высаживает анютины глазки и они цветут там с весны до глубокой осени. Ей все радостно заплодировали. Про четвёртый Принцип и говорить нечего: «Да если бы мы их не шадили, а делали всё что нужно, где бы они сейчас все были?!» Довольные тем, что следуют принципам, врачи разбрелись по земному шару.

ГИППОКРАТ И ПРОМЕТЕЙ

Стал Гиппократ преобразовывать асклепионы из храмов в лечебные учреждения: выгнал актёров, больных стал оставлять на лечение под присмотром врачей, завёл кровати с постельными принадлежностями и питательный рацион. Больные обрадовались так, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Только врачи не обрадовались: в отсутствие Гиппократа они обращались с больными по старинке: в приёмном помещении держали целыми днями, укладывали спать на пол, лечением не занимались, а друг друга тайком называли жрецами. Добросовестно только таблички заполняли, чтоб Гиппократ не подкопался. Эти асклепионы сохранились и до наших дней. Называются они больницами. Ничего в них не поменялось, фасады только подкрасили.

А сам Гиппократ день и ночь занимался развитием медицины. Он даже вёл приём больных. Раз к нему пришёл пациент с жалобами на боли в правом подреберье. Гиппократ осмотрел его и сказал: «Печень у вас, батенька, ни к черту. Будем лечить». Когда заполнял табличку, то спросил имя. Больной назвался Прометеем. Гиппократ хорошо знал легенду о Прометее прикованном, который будто бы украл когда-то давно у богов для людей огонь. Он ничем не выказал удивления, а провёл обследование этого пациента ещё и на предмет психического здоровья, так как он недавно разработал эту методику и опробовал её на Демокрите, которого все считали сумасшедшим, а Гиппократ доказал, что он здоров.

Человек по имени Прометей тоже оказался в здравом уме. Гиппократ поинтересовался, как давно он освободился и при каких обстоятельствах, и тот рассказал ему вот что.

Когда Прометей уже и считать перестал свои новые печени, а его никто не торопился освобождать, вдруг увидел он, что по дороге мимо скалы идет всем известный герой Геракл. Лицо у него усталое, так как он находился в состоянии совершения своего одиннадцатого, предпоследнего, подвига. Одному престарелому царю понадобились молодильные яблоки. Геракл не знал, куда ему идти, чтоб этот сад отыскать. Пока он приближался к скале, Прометей успел прочесть на его лице: «Хоть я и Геракл, но лишние подвиги мне не нужны». Прометей подумал, что надо хитростью втянуть его в совершение ещё одного подвига. Когда герой поравнялся со скалой, то Прометей радостно воскликнул:

— О, Геракл, здорово, друг! Как дела? Что-то ты неважно выглядишь — не болеешь?

Геракл не ожидал такого тёплого приёма от прикованного.

— Здорово, Прометей! Ты, я вижу, не унываешь. А мне хоть вешайся рядом с тобой — одиннадцатый подвиг не могу совершить: сад с молодильными яблоками никак не найду. Не слышал о таком? — ни на что не надеюсь, спросил Геракл.

— Как же, слышал и дорогу туда знаю, — ответил Прометей.

И неожиданно пустился в разговоры об их общих знакомых — олимпийских богах. Геракл хоть и не настроен был на такие разговоры, но в интересах дела стал поддерживать. Прометею же надо было потянуть время, пока прилетит орёл и начнёт клевать его печень. Геракл побоится, что источник ценных сведений может на этот раз не выжить, и убьёт птицу своей волшебной стрелой. Так и случилось. Прилетел орёл и занялся печенью, не обращая внимания на Геракла. Тот попытался выспросить про сад при орле, но Прометей сказал:

— Не могу говорить, прости, друг, приходи в другой раз. Видишь, птичка проголодалась.

Расчет был верен. Геракл, испугавшись, что никогда не узнает дорогу в сад, достал из колчана волшебную стрелу и выстрелил в орла. Птица за смертью упала к подножью скалы. Звук, разнёсшийся при этом по окрестностям, говорил о том,

что под перьями скрывалось довольно увесистое тело. «У, сволочь, отьелся на моих печенках», — не удержался и подумал Прометей.

Геракл понял, что он опять ввязался во что-то, и стал торопить: «Может, ты покажешь мне, куда идти?» «С удовольствием, только, видишь ли, я прикованный», — ответил Прометей. Тогда Геракл понял весь его замысел. Но было уже поздно. Он схватил свой меч-самосек и разрубил цепи Прометея. Тот показал ему дорогу в сад, и пути их разошлись навсегда.

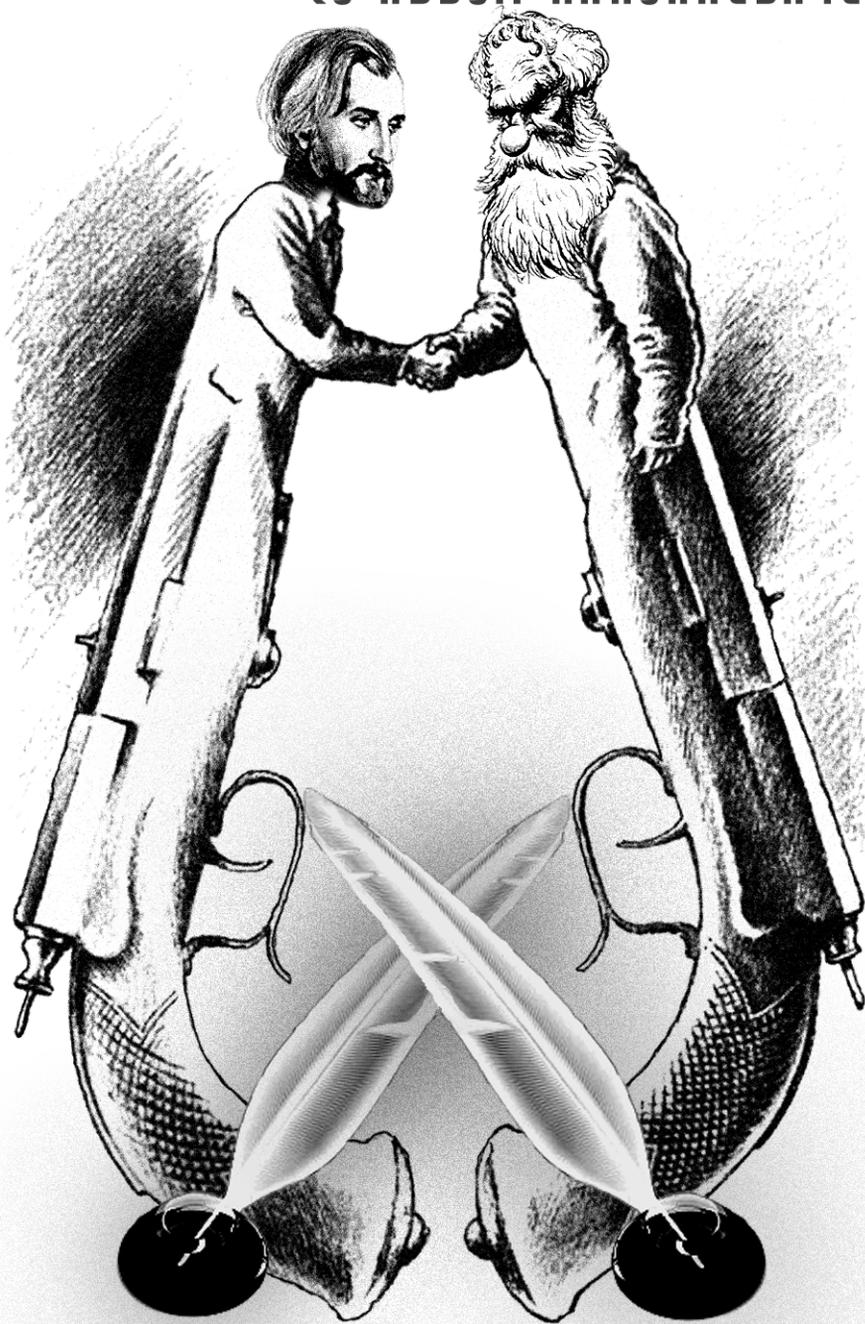
Прометей же поспешил к людям, чтоб посмотреть им в глаза и разобраться с ними. Даже подумывал лишить их огня. Но быстрая ли ходьба или что другое, а только начался у него по дороге приступ печеночной колики. Еле-еле доковылял до ближайшего асклепиона.

Гиппократ выслушал Прометея и понял, как гуманист и филантроп, что людям угрожает очередная опасность. А он любил людей, хоть и сам не знал за что. И решил правдами и неправдами спасти их. Уговорил Прометея остаться для лечения и научного обследования. Сказал, что, мол, Прометей — ценный источник медицинских знаний, потому что, кроме него, печени никто в глаза не видел, даже он — Гиппократ. И ему хотелось бы, чтоб Прометей всё рассказал в мельчайших подробностях, а он бы это всё записал. Прометею, правда, теперь было наплевать на всякие знания, но он всё-таки остался при Гиппократе, потому что чувствовал покаяния в правом подреберье. И оказал медицине неоценимую услугу: все рекомендации Гиппократа по лечению этого органа, а также учение о четырёх соках в организме человека и их значении основываются на рассказах Прометея.

Пока Гиппократ лечил Прометея, они подружились. И стал Прометей помощником у «отца медицины», да таким, что ни в сказке сказать, ни пером описать. В конце своих дней Гиппократ говорил, что без Прометея столько в своей жизни он не сделал бы.

Гиппократ жил долго, но всё-таки умер, так как не был бессмертным, как Прометей. А Прометей похоронил друга и исчез, будто его и не было вовсе. И никто не знает, где он сейчас, а главное — кто лечит его печень.

ЖЗЛ: СКАЗКА О ТОМ, КАК ПОССОРИЛСЯ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ СО ЛЬВОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ

В некотором царстве, в некотором государстве жили помещики да крестьяне. У помещиков были дома белокаменные, а у крестьян — избушки лубяные. Помещики себе принадлежали, а крестьяне — нет. Были они до того крепостные, что не в сказке сказать, а можно только гусиным пером описать. Гусей как раз в том царстве-государстве было в достатке: мало того что домашние не переводились, так весной ещё дикие с юга прилетали. От избытка ли письменных принадлежностей или ещё отчего, а только многие помещики взялись за это описание и сделались художниками слова. Стало в том государстве литераторов видимо-невидимо. И наступил в нем золотой век русской словесности.

В это же самое время в одной помещичьей усадьбе Орловской губернии жил да был юноша небесной красоты, Иван Сергеевич Тургенев. И была у него строгая-престрогая маменька Варвара Петровна да две мечты: стать самым великим писателем из всех имеющих и чтоб к нему пришла роковая любовь. Раз в разговоре с маменькой обмолвился он про свою первую мечту. А Варвара Петровна как закричит: «Ох, и дурак ты, Ванька! На что тебе эта литература? Ступай-ка лучше служить в министерство внутренних дел. А на литературу нету тебе моего родительского благословения, потому что это — пустая трата денег, времени и ума».

Насчет ума маменька зря тревожилась. После смерти Тургенева любопытные до

всяких отклонений от нормы врачи-антропологи случайно наткнулись на его мозг и взвесили его. Набралось целых два килограмма в одной только голове. А им уже было хорошо известно, что норма не дотягивает и до полутора. Это научное открытие не осталось без внимания общественности. Многие стали чувствовать в себе большее количество мозгового вещества, чем у окружающих. И завещали после своей смерти непременно взвесить его и вес обнародовать вдобавок к другим заслугам и достижениям. Врачи-антропологи только рады были: и научный материал получили, и дополнительный доход. Но раз случился казус: один человек переоценил своё серое вещество. Хоть он и был при жизни первым из лучших, но когда взвесили мозг, то его едва на килограмм набралось. Родственники ахнули, врачи-антропологи руками развели, а что делать — никто не знал. Не объявить нельзя — воля усопшего закон, а объявить — вопросы возникнут: как это он с такими мозгами в первых рядах оказался. Но ученая медицина не растерялась. Взвесили спинной мозг, сложили с весом головного, получилось даже больше нормы. Обрадовались родственники. А врачи-антропологи после этого случая перестали кому попало мозг взвешивать, а только по научной потребности. Ни один из взвешенных пока ещё не дотянул до Тургенева.

Но маменька Варвара Петровна не знала, что ума Ваньке хватит и на министерство, и на литературу. Поэтому приказала не давать ему гусиные перья и свечи, чтоб у него ни днём ни ночью не было возможности писать литературу. А Тургенев всё равно сочинял и всё сочинённое держал в голове. Чтoб никто не отвлекал его, уходил в окрестные леса, бродил в них целыми днями. Раз встретился ему медведь. После этого случая стал Тургенев брать с собой охотничье ружьё. Потихоньку, помаленьку научился стрелять, даже начал приносить домой кой-какую добычу. И маменька перестала относиться подозрительно к этим его прогулкам по лесу.

Когда произведений накопилось столько, что никакой голове уже не удержать, Тургенев поехал в Петербург, чтоб записать их и отнести в какой-нибудь журнал. Маменьке Варваре Петровне сказал, что едет определяться на службу в министерство внутренних дел. Маменька была

хоть и строгая, но доверчивая. На радостях подарила Ваньке экипаж о трёх лошадях и дорожный саквояж.

В Петербурге Тургенев записал свои произведения и снёс их в журнал Некрасову. А потом стал ждать славы и коротать время в опере. В эти дни в Петербурге была с гастролями французская певица Полина Виардо. Когда Тургенев услышал и увидел её в первый раз, то тут же понял, что пришла-таки к нему любовь. Но сразу понять, роковая она или так себе, из третьего ряда партера было невозможно. Поэтому после концерта он пробрался через толпу к Полине поближе. В это время купец протягивал ей двадцать рублей ассигнацией и говорил: «Вот вам, матушка, на поддержание ваших телес. Потому что вы очень худая, хоть и французская женщина. А я пришёл на вас посмотреть, так как я глухой и песен мне не надо. А у вас смотреть не на что». Тургенев как услышал такие слова про свою любовь, так сразу же двинул купчишку в бок кулаком. Тот не ожидал этого и свалился на пол сцены. А как свалился, сразу же закричал не своим голосом: «Полиция! Полиция!» Тургенев не хотел встречаться с полицией, схватил Полину за руку и побежал с ней на улицу. У крыльца уже стоял его экипаж. Они запрыгнули в него и помчались прочь от оперного театра. На одной из улиц Петербурга Тургенев заметил Некрасова. Он остановил экипаж и спросил у него: «Ну, как вам мои сочинения?» «Поэтом можешь ты не быть, а вот писателем быть обязан!» — ответил Некрасов и пошел своей дорогой, а Полина и Тургенев поехали своей.

Они мчались в неизвестном направлении. Петербург остался далеко позади. Полина тыкала своим кружевным зонтиком в спину вознице и громко приказывала: «Шнеллер, шнеллер!» Вскоре дорога кончилась, и начался город Париж. Подъехали к дому Полины. Их вышли встречать несколько детей и муж Луи. «Более роковой любви, чем эта, мне не найти», — подумал Тургенев и остался у них жить. У него появился свой кабинет, где он целыми днями сидел и писал сочинения. Сначала ему припомнились прогулки по лесу, и он написал «Записки охотника», а потом — один за другим романы о тяжеловесном быте русского дворянства, который зиждется на крепостном труде русского народа. Никто

Ивана Сергеевича не отвлекал. Только иногда заглянет Полина и весело спросит: «Жан, ля мур?» А Тургенев так же весело ей ответит: «Мур, мур, Полюшка!» А потом опять принимается за сочинение. Романы свои он отправлял Некрасову. Тот публиковал их, и Тургенев становился всё известней и известней. Все газеты называли его великим русским писателем. Но только после Гоголя.

Однажды прибегает к нему Луи и говорит по-французски, что Гоголь-то умер. Тургенев бросил роман на полуслове, схватил дорожный саквояж, прыгнул в свой экипаж и помчался в Петербург. Пока ехал, повторял про себя: «Гоголь умер, да здравствует Тургенев!» Приехал в Россию. Смотрит, а у всей прогрессивной части русского общества глаза на мокром месте. Устыдился он своих мелких мыслей и написал некролог на смерть Гоголя. Да такой свободолюбивый, что его сразу же в тюрьму и посадили. Не посмотрели даже, что самый великий теперь писатель в России. А в тюрьме сыро, плохо. Через месяц слухи до маменьки Варвары Петровны в Спасское её Лутовиново долетели. Примчалась она в Петербург, стала просить Ваньку на поруки взять. Сказала, что дома он у неё таких гоголей получит, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Работники тюрьмы с удовольствием отдали арестанта, так как он им уже надоел своим нытьём. Тургенев обрадовался освобождению, но как увидел маменьку у тюремных ворот, так обратно в сырые казематы и рванул, еле-еле его обратно вытолкали.

Дома Варвара Петровна выпросила у него, где был, что делал. Рассказал он ей про Париж и про Полину. Маменька Полину эту сразу невзлюбила, Ваньку за неё денно и ночью ругала, а её виардой называла. Он хотел было сбежать от неё, да полиция обратно вернула: оказалось, Варвара Петровна для него два года ссылки в Спасское их Лутовиново выпросила без права переписки и получения периодических изданий. Опечалился Тургенев, да делать нечего — стал приспособливаться к новому, не парижскому житью-бытью. Ходил в лес на охоту свои произведения сочинять. Только без газет страдал, так как не знал, он ли всем писателям писатель в России или кто другой уже имеется.

Как-то узнал, что неподалёку располагается

имение его знакомого русского поэта Афанасия Фета. Отправился к нему в гости. Встретил его Фет хлебом-солью. Поговорили о литературе, и вдруг Тургенев спрашивает: «Фет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи: я ль в России всем писателям писатель или кто другой уже имеется?» Фет ответил, что других нет, да и вряд ли в ближайшее время появятся. Успокоился Тургенев и попросился в его писательский кабинет записать всё, что сочинил в лесу. Пустил его Фет в свой кабинет. Да только пожалел потом. Зачастил к нему Тургенев. Как приедет, тут же и спрашивает: «Фет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи: я ль в России всем писателям писатель или кто другой имеется уже?» Ответит ему Фет, что других нет. А Тургенев тут же прыг за его письменный стол и давай свои романы строчить. Захочет Фет тоже сочинить поэму, да место занято. Пристроится на подоконнике, запишет лирическое стихотворение в две-три строфы, вот и весь акт творчества. Надоел Тургенев Фету хуже горькой редьки. А прогнать его он не мог, так как был хорошо воспитан. Но как-то не выдержал.

Раз целый месяц Фет находился по служебным делам в Петербурге. Приезжает домой, а Тургенев уже там. Домашние говорят, что третий день сидит, не выгонишь его. Разозлился тут Фет не на шутку. И когда Тургенев спросил: «Фет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи: я ль в России всем писателям писатель или кто другой имеется уже?», то он ему и ответил: «Имеется, имеется. Львом Толстым зовётся». Поблуднел Тургенев, сел в экипаж да и умчался в Спасское своё Лутовиново. Даже кабинет занимать не стал. Фет обрадовался, сел за свой письменный стол и восемь стихотворений сразу набело написал. А потом за переживания принялся: зря, мол, я Тургенева обидел: не такой уж Толстой и писатель, молодой ещё. И как помириться теперь? Стал думать. Думал-думал и придумал. Решил позвать к себе в имение и Тургенева, и Толстого, который тоже жил по соседству. Разослал приглашения. В назначенный час явились оба: Тургенев — из любопытства, а Толстой — из уважения к пожилым писателям. Поговорили о литературе, пообедали. И вдруг Толстой говорит: «А пойдёмте прощения у народа просить!» «Как это?» — в один голос спросили Тур-

гнев и Фет. А Лев Николаевич им и рассказал: «А вот как: сейчас сенокос идет, пойдём на луг и громко крикнем: «Прости нас, русский народ!» Я всегда так делаю. Давай, Афанасий, веди нас на свои сенокосные луга — там как раз сейчас скопление русского народа». Тургенев и Фет мысленно стали противиться: «Довольно того, что у нас в произведениях красной нитью Ариадны звучит: «Прости нас, русский народ!», так теперь ещё и в поля тащись по солнцепёку». Но вслух ничего не сказали. Правда, наотрез отказались пешком идти, как настаивал Толстой. Сели в экипаж Тургенева и отправились на сенокос. А там встали в ряд и громко так крикнули вслед косарям: «Прости нас, русский народ!» Но никто не обратил на них внимания — косы знай себе позвякивали. А Толстой не унимается: «Надо три раза крикнуть!» Крикнули второй раз. А на третий раз Тургенев как заорёт: «Прочти нас, русский народ!» И такая тут тишина наступила, даже косы звякать перестали. Толстой побледнел да как двинет Тургенева кулаком в бок: «Так ты идею поганить?!» Тургенев на ногах удержался, не упал, а вцепился в Толстого. Упали они на свежескошенный луг и стали кататься — то Толстой Тургенева одолеет, а то Тургенев Толстого. Косари косы побросали, прибежали, окружили их, между собой спорить стали, который барин победит. Еле растащил их Фет. Усадил в экипаж и увёз домой к себе. Но они и дома не успокоились. Толстой говорит:

— А я тебя, трезвонщик эдакий, на дуэль вызову!

— Вызывай, да только я-то — охотник: я в белку попал, я в зайца попал, а в тебя, Лев Толстой, и давно попаду, — спокойно отвечает ему Тургенев.

— Э-э-э, охотник он! Знаем, какой ты охотник! Ты охотник до чужих жён: где Тургенев появляется, там кто-нибудь жены недосчитается, — тут же нашёлся Толстой.

— А у тебя — борода приклеенная: вон какими клочками торчит. Настоящая-то борода вот такой лопаточкой, как у меня, должна быть, — не отстаёт Тургенев.

— Не приклеенная она, а настоящая. Вот нарочно дерни! — загорячился от молодости лет Толстой.

А Тургеневу только того и надо было. Ухватил-

ся он за бороду Толстого, да так сильно дернул, что клочок и остался у него в руке. Покраснел Толстой до слёз и как крикнет:

— Ну, всё, теперь точно — дуэль. Афанасий, будешь секундантом! Сейчас я за пистолетами сбегаю.

Видит Фет, дело плохо. Решил вмешаться:

— Я, конечно, буду секундантом. Только пистолеты вам не нужны. Вы же русские писатели. Вот вам и надо сразиться на романах. Сейчас расходитесь и садитесь за написание, кто роман весомей напишет, тот и в дуэли победит.

Делать нечего: прыгнул Тургенев в экипаж, а Толстой взял свой посох, и отправились они по домам.

Дома Тургенев сказал маменьке Варваре Петровне, что ввязался в дуэль: если он не напишет роман, то придется стреляться на пистолетах. А она страсть как дуэлей боялась. Поэтому сразу же велела выдать Ваньке гусиных перьев и свечей, пусть уж сочиняет. Он даже прослезился. А роман свой назвал «Отцы и дети». И такой он имел успех, что даже гусиным пером этого не описать.

Толстой же Лев Николаевич как в воду канул. Тургенев успокоился и к Фету с вопросом перестал ездить. Вдруг откуда ни возьмись появляется роман «Война и мир». Да такой увесистый, что никаких книжных полок для него не напасёшься. Это Толстой слова Фета «весомый роман» понял буквально. Ох, и намаялся же, пока писал! Ругал себя, что в драку ввязался. Разные мысли в голову стали лезть: о непотворении впредь злу насилием и тому подобные. А когда закончил, то этот роман тоже успех имел. И тоже гусиным пером его не описать.

Получилась у них ничья. Так и не случилось дуэли на пистолетах между Тургеневым и Толстым. Хотя в один прекрасный день всё же явились они к Фету. С каким делом, правда, неизвестно, так как сказка наша на этом как раз и заканчивается.

ЖЗЛ: СОФЬЯ КОВАЛЕВСКАЯ

Жили на Земле Знаменитые Учёные. И были они все до одного мужчины. Только в конце XIX века наконец-то появилась среди них одна женщина. Спрашивается, почему же она раньше не появлялась? Да потому, что раньше была Инквизиция. А она охотнее сжигала на кострах женщин, чем мужчин. Во-первых, они горели как-то лучше. Во-вторых, играл роль эротический момент. Ведь тогда ещё не было стриптиз-клубов. И на голую извивающуюся женщину можно было посмотреть только на костре.

Так ученые женщины и не успевали стать знаменитыми. Но они всё-таки нашли выход: кому не терпелось быть учеными, те стали переодеваться в мужчин. То есть двигали науку путём внешнего пожертвования собственной половой принадлежностью. Если посмотреть на сохранившиеся портреты Знаменитых Ученых разных времён, то можно увидеть, что примерно третья часть из них довольно-таки

хитро улыбаются. Как будто скрывают что-то. Предположительно это и есть переодетые в мужчин ученые женщины. Ведь что тебе скрывать, если ты знаменитый ученый мужчина? А только то, что ты на самом деле женщина. Никаких других доказательств, кроме этих хитрых ухмылок, нет.

В XIX веке наконец-то закончилась Инквизиция. Так иногда ещё сжигала эпизодически в укромных местах в своё удовольствие или по привычке. Но женщины среди Знаменитых Ученых всё не появлялись. Теперь уже ученые мужчины не хотели видеть их среди себя: «Нет, мы не согласные. И всё тут». Что интересно — громче всех возражали переодетые в мужчин ученые женщины: мол, ишь, чего захотели — а ну тоже переодевайтесь. Взяли, да и запретили женщинам даже обучаться в университетах, а не то что наукой потом заниматься.

Вдруг в самой середине XIX века родилась в Москве девочка по имени Соня. В один прек-

расный день приезжает к ним гость — сам по себе Математик. Увидел девочку и хотел подарить ей игрушку или конфету, да не нашёл у себя ничего, кроме учебника математики. Подарил Соне учебник. А она изучила его от корки до корки. Когда Математик опять к ним приехал, то тут же свои знания и показала. Он ахнул и сказал: «Да это у вас прямо новый Паскаль, а не девочка!» С тех пор все в доме так и стали звать Соною.

А она тщательно изучала математику и собиралась поступить в университет, чтоб стать Знаменитым Ученым. Уже и одежду себе мужскую купила. Но переодеться не успела. Приходит к ней старшая сестра Анна и говорит: «Пойдем-ка, Соня, на вечеринку сегодня». Она отложила мужскую одежду и пошла в платье. А там её уже поджидал молодой ученый Владимир Онуфриевич Ковалевский. Стали они танцевать, веселиться. И не заметила Соня, как вышла за него замуж и превратилась в Софью Ковалевскую.

«Что ж я наделала!» — подумала она, когда почувствовала, что желание быть Знаменитым Ученым-математиком у неё так и не прошло, а наоборот — усилилось. Переодеться незаметно в мужчину Соне теперь не удастся — ведь Владимир Онуфриевич может хватиться Софьи Ковалевской. «Как же мне математике обучиться?» — всё время думала она. Обратилась к мужу своему: «Может, ты будешь заниматься со мной высшей математикой?» Но Ковалевский отказался: «Нет, Соня, чем угодно я готов заниматься с тобой, только не высшей математикой». Он не хотел, чтоб его жена становилась Знаменитым Ученым.

И стала Софья Ковалевская ездить по Университетам Европы: где лекции послушает, где возьмёт частные уроки у какого-нибудь Профессора. Вскоре в математике не осталось того, чего бы она не знала. «Пора мне самой двигать и развивать эту науку», — решила Соня и стала обращаться в Академии Наук, чтоб получить тему для своих научных исследований. Но ей везде отказывали: «Нет у нас тем, кончились, перед вашим приходом последнюю отдали. Загляните к нам через годик». «Может, вы не знаете, что я — математик? Испытайте меня!» — настаивала Ковалевская. «Да знаем мы

вас, примелькались уже», — отвечали ей Академики. Всю Западную Европу она обошла. Осталась только Шведская Академия Наук. Сначала ей и там отказали. Софья уже собралась уходить, но тут её окликнул Председатель Ученого Совета: «Постойте, дамочка, вот у нас есть одна задачка, за которую не хотят наши Ученые Мужья браться, а если берутся, то решить её не могут почему-то. А без неё тормозится развитие механики. Если вы с ней справитесь, мы вас, так уж и быть, примем в Знаменитые Ученые». И вручил Софье Ковалевской конверт с задачкой. Она взяла этот конверт и даже не открыла, а сразу же побежала домой.

Достали они с Ковалевским листик с задачкой, прочитали, да так и сели. «Задача о вращении твёрдого тела вокруг неподвижной точки», — вот что было на нём написано. «Я — не последний человек в научном мире. Не позорь меня», — сказал Софье Ковалевский. «Ну, Владимир Онуфриевич, миленький, любименький, я её быстренько решу, стану Академиком и буду сама себе темы выбирать. А про эту задачку все забудут», — стала спрашивать его Соня. «Нет тебе моего согласия, и всё тут», — сказал муж и уехал в Одессу. А Софья принялась за работу. Но не так-то просто всё оказалось. Шли годы. Задача не решалась. Муж страдал: на Ученых Советах за спиной у него шептались: «А, это тот Ковалевский...» Бросил он науку и начал заниматься Коммерцией: «Может, там о моей Соне никто не слышал». Но зря Владимир Онуфриевич надеялся. И Коммерсанты между собой перешептывались: «А это не тот ли Ковалевский...» Он не выдержал такой жизни и застрелился. Осталась Софья вдовой, с ребёнком на руках и с нерешённой задачей о вращении твёрдого тела вокруг неподвижной точки. Но теперь ей было не до задачи. Жить не на что, так как покойный муж все деньги потратил на занятие Коммерцией. Пришлось Софье Ковалевской устроиться на работу простой учительницей математики.

Так прошло ещё несколько лет. Однажды она познакомилась в омнибусе с одним человеком, который ей чем-то сразу понравился. Представился он так:

— Ковалевский.

Софья удивилась и спросила:

— Владимир Онуфриевич?

— Да нет, Максим Максимович, — ответил новый знакомый.

Софья тоже представилась:

— Ковалевская.

— А зовут вас, извините, как? — спросил этот новый Ковалевский.

— Так Софья Васильевна я, — ответила Ковалевская и стала ждать, что он её узнает и спросит о твёрдом теле. Но оказалось, что о ней он ничего не слышал, хоть и был тоже Ученым, Профессором права. «Выйду за него замуж», — решила про себя Софья.

У Ковалевского очень кстати имелась вилла в Ницце. И Софья с дочерью сразу ж на ней поселились. Она тайком опять за свою задачку принялась. Долго ли, коротко решала, но способ решения всё-таки нашла. Не откладывая, пошла в Шведскую Академию Наук, чтоб поскорее сдать эту задачку и забыть о ней. И статью Академиком наконец-то. А уж когда станет, то сама выберет себе тему, сядет на берегу моря в Ницце и будет безмятежно заниматься научными исследованиями всю оставшуюся жизнь.

В Шведской Академии про Софью Ковалевскую уже даже и забыли. «Забирайте свою задачку, а мне давайте звание Академика, и я пойду домой», — сказала им Софья. «Минуточку, — говорит Главный Академик, рассматривая решение, — да вы тут открыли переменную, которой у нас в математике раньше не было. Это с её помощью задачка так легко решается. Поздравля-

ем вас, эта переменная отныне будет называться «переменная Ковалевской», а всё решение: «Решение задачи о вращении твёрдого тела вокруг неподвижной точки с помощью переменной Ковалевской». Софья как услышала это, так сразу же упала в обморок. Академики всполошились и со словами: «Только этих женских штучек нам тут не хватало» окна открыли, водой Соню обрызгали, еле откачали. А как откачали, то сразу же дали ей звание Академика, разрешили на Ученых Советах присутствовать и любую тему для своего научного промысла брать. А вдобавок она ещё потребовала: «И разрешить женщинам учиться в Университетах и становиться Знаменитыми Учеными. Как я сейчас». «Ладно уж», — сказали Академики и дали своё согласие.

Так Софья Ковалевская освободила своей трудной жизнью путь в науку всем желающим женщинам. Правда, женщины не сразу стали этим путём пользоваться, вспоминая судьбу Сони. Всё предпочитали в мужчин переодеваться — так было спокойнее. Но всё-таки путь теперь был свободен. За это благодарные женщины поставили на свои деньги памятник Софье Ковалевской на её могиле, которая располагается в Стокгольме, недалеко от Шведской Академии Наук.

□

Наталья Владимировна ЧЕРКАС

родилась и выросла на Кубани.

Окончила филологический факультет

Дальневосточного государственного университета.

Пишет стихи и прозу.

Автор юмористического цикла сказок

«Жизнь замечательных людей».

*Публиковалась в альманахе «Амур»,
журналах «Свой круг» (Канада), «Север», «Лампа и дымоход».*

Живет в Москве.

